

"Прошло чуть больше года после падения Утеса, когда Лорд-командующий Селми из Ночного Дозора послал за помощью", - сказал Джон. "Белые Ходоки, Иные из сказок, которые рассказывала мне в детстве старая Нэн, женщина, которая вырастила меня. Они вернулись, и за ними стояла армия мертвых, насчитывающая сотни тысяч одичалых, братьев Ночного Дозора и зверей. Они были бледны, как снег, и ехали в бой верхом на мертвых лошадях и огромных ледяных пауках. Вот что говорилось в послании".

"Я мог бы не обратить на это внимания, если бы не был Северянином. Я вырос на рассказах о Первой Долгой Ночи. А бывшие названные братья Сира Барристана все еще были рыцарями моей Королевской Гвардии. Они заверили меня, что он в здравом уме, и что если он просит о помощи, то все очень плохо. Сир Освелл и наемники Герольда несли городскую стражу в Королевской Гавани после того, как мы узнали, насколько испорчены Золотые Плащи, и они патрулировали Королевский Тракт, впервые за долгое время по-настоящему охраняя его. Их было легко собрать. Я послал письмо Лорду Старку, моему отчиму, чтобы узнать его мнение об угрозе. Он подтвердил, что она действительно ужасна, и я разослал призыв всем своим подданным. Я двинулся на Север с армией, насчитывавшей более ста тысяч человек, и еще больше было собрано позади меня. В день, когда я добрался до Стены, солнце село и не вставало после в течении многих лет".

Джон надолго замолчал, резко втянув в себя воздух. Говорить об этом было еще труднее, чем ему хотелось бы, даже если окружающим детям все это казалось не более реальным, чем те истории, которые рассказывала ему старая Нэн, когда он сам был еще ребенком. "На армию Короля Ночи было страшно смотреть", - сказал он. "Полусгнившие трупы мужчин, женщин, детей и животных. Все они просто стояли и смотрели на нас глазами более холодными и голубыми, чем лед, но как только что-то живое оказывалось в пределах их досягаемости, они наносили удар и разрывали живое на части, пока некогда живые не поднимались сами, как еще одни упыри в армии Короля Ночи. Ночной Дозор передал мне, что они слабы к огню, драконьему стеклу и валирийской стали. Поэтому я послал за драконьим стеклом на Драконий Камень. Я велел Оберину Мартеллу собрать все оружие из валирийской стали, которое он мог найти, и велел моей тете Дейнерис прилететь к Стене и привести драконов Черное Пламя и Длинного Когтя.

"Мы бились много лет. По ночам я тосковал по вашей бабушке, по нашим детям. Я старался не думать обо всем, чего мне не хватало, обо всем, чего я не видел. Наш четвертый ребенок родился во тьме, и я не видел его много лет. Длинный Коготь умер..." Он остановился, попытался подумать, проглотить эту рану, все еще едва зарубцевавшуюся. Измерить время Войны за Рассвет было почти невозможно. Джон все еще помнил, как вернулся в Маргери и был одновременно ошеломлен тем, что прошло так много лет, и потрясен тем, что они не умерли от старости. Время потеряло всякое значение, и не было ни дней, ни ночей, чтобы измерить его. "...примерно через три года после начала войны. Иной бросил ему в глаз ледяное копьё, и мы рухнули на землю. Он поймал меня на крыло, убедился, что я невредим, даже когда он умирал, иначе я мог бы быть раздавлен под ним. Я оказался в тылу врага, Иные окружили меня со всех сторон, а мой дракон умирал у меня за спиной. Я был убежден, что это был он, это был конец. Но встретил их в битве, и каким-то образом рука одного из них обхватила мой меч, Черное Пламя. Я до сих пор не знаю, что произошло; я знаю только, что она разбилась вдребезги. Она рассыпалась на куски и упала на землю. И я был одинок, незащищен и убежден, что вот-вот умру".

"И что случилось потом, дедушка?" Спросила Джейхейра, сжимая руку Нарциссы. Их глаза

были широко раскрыты и внимательны, и они очень напоминали ему его самого и его братьев, когда они были детьми и слушали сказки старой Нэн. Дочери Дункана, старшие из его растущего выводка внуков, были, вероятно, единственными, кроме Рейнис, кто были достаточно взрослыми, чтобы понять весь ужас происходившего. Джон только надеялся, что сегодня вечером его сын не придет жаловаться на детей, которые не спят из-за страха перед ночными кошмарами.

"Лед", - ответил Джон. "Он, должно быть, узнал, что Длинный Коготь умер. Воистину, он должен был узнать об этом заранее, потому что полет от Драконьего Камня до Земель Вечной Зимы занимает много времени. Он влетел в поле боя и сжег Длинного Когтя дотла, так что Иные не могли поднять его, чтобы он сражался на их стороне. Но все же он прибыл слишком поздно. Когда он приземлился, Король Ночи был в нескольких шагах от того, чтобы ударить меня в спину. Он бы преуспел, если бы не Сир Эртур Дейн, Меч Зари."

"Но ты же - Меч Зари, дедушка", - запротестовала Лианна Мартелл, глядя на него серьезными серыми глазами с копной непослушных черных кудрей, которые она делила с матерью. На самом деле, с обеими матерями.

"Я не был рожден Мечом Зари, сладкая", - сказал Джон, притягивая маленького Дейрона, третьего ребенка и наследника Дункана, к себе на колени и убирая серебристые пряди с его серых глаз. "Эртур Дейн, мой дядя во всем, кроме крови, и один из лучших и самых преданных людей, которых я знал, последовал за мной на Земли Вечной Зимы, несмотря на то, что у него не было дракона. У него не было ничего, кроме навыков, храбрости, верности и меча. Так или иначе, этого было достаточно, чтобы склонить чашу весов на нашу сторону". Джону пришлось сделать паузу и проглотить комок в горле. Дядя Эртур был его отцом, так же как и Нед Старк, и рана, оставленная его смертью, всегда будет оставаться слишком свежей. "Он принял удар на себя и на последнем издыхании завещал мне Рассвет, меч героев. Дайанна Дейн, напомнил он мне. Я все еще был кровью его крови и достоин Рассвета. Я взял его из его умирающих рук и встал на спину Льда. Лед позаботился о том, чтобы сжечь дядю Эртура, чтобы Иные никогда не смогли использовать его против меня, и тогда он взлетел". Ему пришлось снова остановиться и сосать в резкое дыхание.

Рейнис, вторая дочь Джона, названная в честь его давно умершей сестры, еще глубже зарылась в его бок. Ее голова с черными кудрями уперлась в ребра Джона, и Джон прижал ее к себе, все еще удивляясь своему ребенку, которая была старше его внуков, но такой нежной, зачатой всего через несколько дней после Возвращения Рассвета.

"В течение многих лет мы упирались в тупик. Мы жгли всех упырей, которых смогли найти, но на каждого нашего павшего поднимался еще один. Я думал, что это никогда не кончится, что у нас никогда не будет шанса на победу. Даже моя тетя Дени и я, работая вместе, никогда не могли покрыть пламенем достаточно земли, чтобы уничтожить трупы всех людей, прежде чем появятся новые. Наши люди были храбры. Лучшие из них пробирались в тыл врага, вооруженные драконьим стеклом или валирийской сталью, а то и тем и другим, и пытались уничтожить Иных. Но этого никогда не было достаточно. Их было так много, гораздо больше, чем мы могли себе представить. Казалось, целую вечность мы только и делали, что сражались, и ни одна из сторон не побеждала. Все, что мы знали, это то, что если мы не начнем побеждать в ближайшее время, то у нас начнут заканчиваться живые люди. Уже много лет не было урожая, даже в Дорне, даже за Узким Морем. Если ничего не изменится, мы все равно умрем. Время было на стороне Белых Ходоков, и они использовали его наилучшим образом. Я думаю, они слишком хорошо знали, что им пока не нужно пытаться двигаться на юг, не нужно пытаться взять Стену. В конце концов человечество вымерло бы само по себе, если задержалось там".

"На седьмой год Войны за Рассвет произошла великая битва. Мы знали, что нам нужно что-то изменить, оттеснить Иных и их войска назад. Мы надеялись, что если оттесним их достаточно далеко, то такие места, как Дорн, Лис и Волантис, а также гискарские города в Заливе Работоторговцев, смогут видеть солнце достаточно долго, чтобы получить урожай или два. Мы пошли ва-банк и были на грани поражения. Нам с тетей Дени пришлось спускаться слишком низко, и мы чуть не погибли вместе с нашими драконами. На крыльях Льда и Черного Пламени оставался лед, тянувший их на верную гибель, как вдруг на нас обрушился огненный дождь. Твари сгорели, и смогли сбежать. Мы поднялись достаточно высоко, чтобы наносить некоторый урон, не подвергая себя слишком большому риску, и именно тогда мы поняли, что к нам присоединился еще один дракон".

"Отец", - сказала Нарцисса. "Это был отец на драконе Рассвет, не так ли?"

Джон улыбнулся и протянул руку, чтобы пригладить ее серебристые кудри. "Да, милая", - сказал он. "Так оно и было. Сначала я его не узнал. Я понятия не имел, сколько времени прошло, Дункан был для меня мальчиком пяти лет. Но на самом деле ему было два и десять именин, он был высок и силен, настоящий рыцарь уже тогда. И не было ничего, чего бы он хотел больше, чем послужить королевству и защищать его. Он рассказывал мне позже, что летал на Рассвете с восьми лет. Каким-то образом ему удалось сохранять это в тайне от матери. И вот однажды Рассвет по собственной инициативе направился на Север, а Дункан просто цеплялся за него".

"Он прибыл в разгар битвы, Рассвет был свежим и отдохнувшим, в то время как Лед и Черное Пламя были истощены за этим многие годы. Втроем мы вместе повернули битву на нашу сторону. Мы победили". Джон на мгновение замолчал, слишком хорошо помня страх и гордость, которые боролись в нем, когда его собственный сын, внезапно ставший не намного ниже его ростом, внезапно ставший мужчиной, пришел, чтобы все изменить. "И в последующие две недели мы поняли, что все дело в третьем драконе. Нам больше не нужно было просто защищаться. Мы могли использовать тактику, о которой только мечтали". Джон на мгновение замолчал. "Рейгар Таргариен, мой родной отец, был наполовину безумцем", - сказал он наконец. "Но его одержимость пророчеством... В конце концов он оказался прав. 'У дракона должны быть три головы. Чтобы выиграть войну за Рассвет, нужны три дракона и три всадника'. Для этого потребовалось не три брата и сестры, а три поколения Таргариенов. В конце концов, всего через несколько лун после того, как Дункан присоединился к войне, не осталось больше упырей, и большинство Иных были убиты. Мы углубились в Земли Вечной Зимы. Мы искренне верили, что каким-то образом, несмотря ни на что, мы выиграли войну. Но это была засада, и мы попали прямо в нее. Черное Пламя и Лед были убиты еще до того, как мы с тетей Дени поняли, что происходит. Все, что мы могли чувствовать без поддержки драконов, был абсолютный холод. Там было очень красиво, неестественно, потусторонне. Я знал, что эта красота убьет нас через несколько часов, если ничего не изменится".

"Дункан налетел на Рассвете, он отвлек их, и я каким-то образом пробрался к самому Королю Ночи. Я попытался пронзить его в сердце, но что-то помешало мне. Это было все равно, что ударять сталью о камень; сталь может быть и тверже, но если ты будешь продолжать пытаться, то повредишь свой клинок. Но я должен был продолжать, иначе мы все бы проиграли. Я ударил снова, и от Рассвета откололись куски звездной стали. Но осколки черного драконьего стекла падали и с груди Короля Ночи, и я знал, что должен был продолжить. Так я и сделал. Я бил по нему снова и снова. Он стоял на коленях, и не осталось никакой чести, только выживание. Я продолжал наносить удары. Рассвет, наполовину сломанный, вонзился во что-то, и когда я вынул его, от него остался только небольшой огрызок, кинжал, из драконьего стекла. Рассвет был сильно поврежден, но как только этот кинжал из драконьего стекла покинул грудь Короля Ночи, он развалился, как и остальные Иных, так же как и те немногие ходоки, которые

остались. Дункан посадил Рассвет, и мы с тетей Дени забрались к нему на спину.

"Больше я ничего не помню. Я был измотан. Они говорили, что я был ранен, хотя я не помнил ран. Я помню, как проснулся здесь, в Красном Замке, рядом с женой и детьми. И я-"

"Надеюсь, ты не собираешься повторить подвиг Эйгона Завоевателя", - раздался голос позади него, и Джон повернул голову, чувствуя, как его лицо расплывается в улыбке, которую так трудно было найти после Долгой Ночи. "Умирать, рассказывая о войне своим внукам", - продолжила Маргери. "Честное слово, разве тебе еще не достаточно людей говорили, что ты можешь выглядеть как Завоеватель, но в тебе больше от Миротворца? Это означает, что у тебя есть еще несколько лет". Она подошла к нему, покачивая на бедре младенца, их чудесного ребенка, зачатого после того, как они оба думали, что их время давно прошло. Джон нежно взял его из ее рук, поцеловал в копну серебристых детских кудряшек и стал молиться, чтобы эти прекрасные золотисто-голубые глаза наконец открылись ему.

После нескольких долгих мгновений Эртур моргнул, глядя на него отсутствующим и рассеянным взглядом, как это делали все младенцы. "Мне едва исполнилось сорок четыре, Моя Королева", - мягко сказал он, одарив ее быстрой улыбкой, прежде чем вернул ее малышу. Он пропустил так много лет с их тремя первенцами. Он не встречался с Эйгоном до тех пор, пока ему не исполнилось семь именин, и первые несколько лет жизни Рейнис он провел, сражаясь и борясь, умоляя и молясь, что сможет восстановить королевство с теми немногими ресурсами, которые у них остались после Войны за Рассвет. Эртур был его последним шансом, их последним ребенком, тем, чье первое слово он мог бы услышать, чей первый шаг ему посчастливилось бы увидеть. Он поклялся Старым и Новым Богам, что ничего не упустит, раз они сочли нужным дать ему этот последний шанс. Несмотря на то, что он любил всех своих детей, наблюдать, как один из них растет от младенца до мужчины, не упуская все важные детали, было мечтой, которая, возможно, наконец-то осуществится. "Я пока не планирую затухать".

Маргери улыбнулась. У нее были морщинки вокруг глаз, которых он раньше не замечал, и седина в волосах от напряжения, с которым она держала Семь Королевств вместе, пока он вел отчаянную войну, а также от старости. Он знал, что, вероятно, выглядит еще хуже. Он не только поседел и сморщился, но и покрылся шрамами, наверное, в любом месте, где только можно было покрыться шрамами. Но он был жив; они оба были живы, и наступила весна, самая долгая весна за тысячелетия, и их последний сын одарил его беззубой улыбкой, и нет, Джон не собирался умирать прямо сейчас.

"Надеюсь у тебя есть что-то более эффективное, чем простые слова", - сказал он ей.

Она одарила его своей озорной улыбкой, которая казалась почти непристойной, учитывая количество внуков в этой комнате. "О, но ты же знаешь, что я так и есть", - сказала она и поцеловала его в висок, прежде чем вышла из комнаты, позвав внуков и напомнив им, что им уже давно пора спать. Джон прижал Эртура к себе, убрал пушистые кудри с его маленького, длинного, застывшего лица. "С тех пор как существуют Семь Королевств", - сказал он сыну едва слышным шепотом: "Старки были правы. И так будет всегда. Но, возможно, теперь это будет просто напоминание, а не пророчество". Он поцеловал младенца в лоб. "Ты понятия не имеешь, что я имею в виду, не так ли?" Спросил он. Он остановился на мгновение, глядя в эти прекрасные глаза своей жены и в то, как они блестели на лице Старков их сына, и почувствовал такую глубокую благодарность за этого последнего ребенка, за этот последний шанс, что у него перехватило дыхание. "Это уже не имеет значения, не так ли? Зима вернется. Пламя и кровь - вот как рождаются драконы. Но все, что я хочу для тебя, это чтобы ты стал сильным".

Младенец издал бессловесное бульканье, и на мгновение Джон мог бы поклясться, что он улыбнулся ему, такой же умной улыбкой, как любой Мейстер, прежде чем то, на что он смотрел, снова стало спокойным, мирным взглядом его ребенка. Мир, позволил он себе надеяться. Наконец-то мир и, Боги, как он нуждался в нем. Эртур протянул руку, схватил его за нос и крепко сжал, отказываясь отпустить, а Джон только и мог, что смеяться, смеяться и смеяться.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/960571>